
Максим Орлов
Книга 2:
«КОЛЫБЕЛЬ ЧУЖОГО» Серия:
«ПЕСОК ПРОТОГЕНОВ»

Максим Вячеславович Орлов

Книга 2: «КОЛЫБЕЛЬ ЧУЖОГО» Серия: «ПЕСОК ПРОТОГЕНОВ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73089503
SelfPub; 2026

Аннотация

Корабль-симбиот «Скиталец» с экипажем из трёх потерянных душ мчится в эпицентр галактического бедствия. Попытка человечества подчинить древние «Стабилизаторы» выпустила на свободу «Ржавчину Реальности» – силу, переписывающую законы мироздания. Чтобы остановить её, Алисе, Резнику и Бруннеру предстоит войти в самое сердце чужой аномалии – «Колыбель». Их ждёт не битва, а Испытание. Безличный разум древней расы проверит, достойно ли человечество и его хрупкий симбиоз стать частью вечной войны за саму ткань бытия. Цена провала – уничтожение. Цена успеха – вечное бремя Смотрителей. И пока они сражаются с безумием реальности, за спиной у них разгорается новая война: корпорации, сектанты и государства готовы на всё, чтобы украсть силу «Скитальца» или стереть его с лица галактики.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 11
Глава 2: ГИПЕРПРОСТРАНСТВЕННЫЙ РЕФЛЕКС 21
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Максим Орлов
Книга 2: «КОЛЫБЕЛЬ ЧУЖОГО» Серия: «ПЕСОК ПРОТОГЕНОВ»

Пролог

Система LZ-447 была немой и слепой. Звезда – холодный карлик-старожил – давно перестала рождать планеты, оставив после себя лишь рой осколков да вечную пыль. Идеальный полигон. Идеальная ловушка.

Линкор «Непреклонный» Содружества материализовался в двух световых секундах от цели с тихим стоном деформирующейся брони. Капитан второго ранга Артем Волков, даже не дрогнув в своем кресле, уставился на главный визор. Там висело «Оно». «Объект Альфа».

Не «Сердце». Не биологический улей с Элизиума. Это был сколок самой пустоты. Многогранник из абсолютно черного вещества, поглощавший даже отсветы далеких звезд. Сканеры молчали, выдавая единственную цифру: гравитационная аномалия класса «Омега». Ученые шептались о «стабилизаторах реальности». Командование Содружества при-

казало эти стабилизаторы… приручить.

Проект «Молот».

– Флотилия на позициях, – доложил оператор. На тактическом голограмме зажглись метки: два крейсера «Гром» и «Гроза», эсминцы «Быстрый» и «Сметливый». Пять стальных хищников, окружающих один безмолвный камень.– Система «Узы»? – голос Волкова был ровным, выхолощенным от эмоций, как предписывал устав.– Эмиттеры развернуты и синхронизированы. Криогенные контуры на пределе. Готовность девяносто семь процентов.

«Узы» – технологический капкан. Замысел был гениален в своей наглости: опутать объект многослойной сферой из гравитационных, магнитных и резонансных полей. Заглушить, изолировать, сжать. Перчатка, брошенная в лицо наследию исчезнувшей расы.

– Командный центр «Молота» дает добро. Начинаем обратный отсчет. Десять. Девять…

Волков чувствовал, как по корпусу «Непреклонного» бегут судороги. Энергия, способная питать целый город, закачивалась в эмиттеры. В портах открылись створы, обнажив цилиндры излучателей, покрытые инеем.

– …Три. Два. Один. Активация.

Тишина. Длиной в три удара сердца.Потом пространство вокруг черного кристалла взорвалось тихим светом. Не вспышкой – рождением. Молнии чистой силы, ослепительно-белые, били не в цель, а навстречу друг другу, сплетаясь

в мерцающий кокон. Кокон начал сжиматься.

– Показания в зеленой зоне! – голос оператора сорвался на визг. – Аномалия затухает! Поле сходится! Оно работает, капитан!

По мостику прокатился сдержанный выдох. Они делали это. Они побеждали.

«Объект Альфа» ответил.

Не взрывом. Не излучением. Он… моргнул. Целиком. На миг его абсолютная чернота стала еще чернее, поглотив даже свет собственных граней. Все дисплеи на мостике «Непреклонного» погасли, ослепленные цифровым шоком. Аварийное освещение захлебнулось и умерло. Волкова с силой бросило на привязные ремни. В ушах зазвенела вакуумная тишина, нарушаемая лишь прерывистым сипением дыхательных аппаратов.

Когда свет вернулся, картина была иной.Энергетический кокон не разорвало. Его всасывало внутрь черного многогранника. Молнии, словно живые, извиваясь и корчась, стягивались в одну точку, исчезая в бездонной черноте. Кристалл начал вращаться. Медленно. Неумолимо.

– Прервать операцию! Все эмиттеры – отбой! Флотилия – экстренный отход! – Волков рванулся к консоли, его пальцы, вдруг ставшие деревянными, колотили по сенсорным панелям.

На экране исчез «Быстрый».Не взорвался. Расплылся. Корпус семисотметрового эсминца потерял четкость, словно

его выковали из дыма. Сталь, титан, композиты – все смешалось в абстрактное, мерцающее пятно, которое затем бесшумно стянуло в черную дыру кристалла. Ни обломков. Ни всплеска плазмы. Просто… стирание.

– Что… – кто-то на мостике выдавил звук.– Это не сопротивление, – хрипло прошептал Волков, глядя, как та же участь постигает «Сметливый». Корабль изгибался, как отражение в кривом зеркале, и таял. – Это… пищеварение.

«Гроза» попыталась дать прыжок. Двигатели крейсера вспыхнули голубым адом, но корабль не сдвинулся. Он начал растягиваться, превращаясь в длинную, тонкую полосу, которая затем свернулась в спираль и была поглощена. Время здесь текло иначе. Секунды наблюдаемой агонии длились вечность.

– Все на щиты! – Волков орал, но его голос тонул в вою сирен. – Прыжок! Любой ценой!

– Невозможно! Навигационные вычисления не сходятся! Пространство… оно изогнуто! – закричал штурман, с отчаянием лужа по своему терминалу.

Волновой фронт искажения добрался до «Непреклонного».Корабль содрогнулся. Не от удара. От ощущения неправильности. Волков посмотрел на свою руку на панели управления. Пальцы казались то слишком длинными, то слишком короткими. Контуры консоли плыли. Звуки доносились с опозданием, наслаивались друг на друга. Мысль, ясная и холодная, пронзила панику: Они не ломают законы. Они пи-

шут новые.

Связь с «Громом» прервалась. На последних кадрах с внешней камеры Волков увидел, как аномалия добралась до звезды системы. Светило не погасло. Оно изменило спектр. Засветилось мягким, ядовито-неправильным цветом, для которого в человеческом языке не было названия. Система превращалась в карантинную зону на фундаментальном уровне бытия.

«Непреклонный» был последним. Искажение пожирало его слой за слоем. Броня не плавилась – она теряла смысл быть твердой. Волков, цепляясь за остатки рассудка, одной дрожащей рукой вывел на основной коммуникационный массив простую команду: ЗАПИСЬ. ПРОТОКОЛ КАТАСТРОФЫ. ШИРОКОПОЛОСНАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ. ПОВТОР.

Он не стал говорить. Он дал доступ к внутренним датчикам корабля: показаниям гравитационных сканеров, анализу спектра той «неправильности», всему, что еще хоть как-то функционировало. Пусть кто-то получит данные. Пусть кто-то поймет. А потом активировал маяк бедствия на всех частотах, от правительственных шифров до грязных каналов контрабандистов Пояса Свободы.

И лишь в самый последний момент, когда его собственное сознание начало расползаться, как изображение на воде, он нашел в себе силы нажать на запись голосового сопровождения. Его голос, искаженный помехами и далекий, как

будто доносящийся из-под толщи льда, прозвучал в эфире:– …«Молот» сломан… Объект не стабилизатор… Он пробка… Сорвали пробку… Оно вышло… Предупредите… Предупредите «Скитальца»…

Сигнал, клубок из сырых данных и предсмертного хрипа, ушел в бездну.А «Непреклонный», линкор Содружества, гордость флота, завершил свое превращение – из машины в абстракцию, из абстракции в ничто.

На окраине системы, раздирая ткань пространства грубым, болезненным прыжком, материализовался «Скиталец». Его биомеханический корпус, покрытый шрамами и живыми наростами, судорожно изверг облако коричневой пыли – побочный продукт чужого метаболизма. На мостике, в клубке нервных проводников и живой плоти, Алиса Ворон вздрогнула и открыла глаза. Не своими глазами. Глазами корабля.

– Капитан, – ее голос был эхом, доносящимся из всех репродукторов одновременно. – Мы опоздали. Но… я слышу крик. Он еще не смолк. И он… окрашивает эфир в тот самый цвет. Из моих кошмаров.

Резник, стоявший у пульта, сжал кулаки. Не для боя. Для принятия решения.– Ложимся на курс, – сказал он тихо. – Нам нужны эти данные. Даже если они – предсмертные.«Скиталец», корабль-симбионт, корабль-ересь, развернулся и поплыл навстречу эпицентру тишины, которая была громче любого взрыва. Пробка была сорвана. «Ржавчина Реально-

сти» вытекала в их мир. И они были единственными, кто мог хотя бы попытаться понять ее вкус.

Глава 1

Дата (условная): 14.07.2296 (8 стандартных суток после исчезновения флотилии «Молота» в системе LZ-447).

Местоположение: Граница пояса астероидов системы Гелиос-Прайм, нейтральная зона.

Космос вокруг «Скитальца» был не пустотой. Он был кладбищем титана.

Обломки некогда могучего корпоративного рудодобывающего комплекса «Тартарус» медленно вращались в свете далекого солнца, превращаясь в идеальное укрытие для всего, что не хотело быть найденным. Здесь, среди гробовых теней разорванных корпусов, их корабль не просто прятался. Он произрастал.

На мостике пахло не озоном и техническим маслом. Пахло влажной землей, окисленным металлом и чем-то сладковато-медицинским – запах глубокой, живой раны, которая затягивается. Свет исходил не от ламп, а от самих стен: приглушенное, пульсирующее биолюминесцентное свечение, синхронизированное с едва уловимым колебанием палубы под ногами. «Скиталец» дышал.

Капитан Резник стоял перед главным визором, вернее, перед тем, что его заменяло – органической мембраной, пронизанной сетью капилляров. Она отображала внешний мир

с кристальной, почти болезненной четкостью, но временами по ней пробегали рябью посторонние образы: вспышки нейронных импульсов, абстрактные геометрические формы. Отражения снов Алисы или мыслей корабля – он уже не мог провести грань.

– Статус? – спросил он, не оборачиваясь.

Ответ пришел не с привычного места оператора, а из воздуха, мягким, двойным голосом, в котором угадывался женский тембр и низкий, вибрационный фон.

«Все системы… в состоянии активного покоя. Аналог метаболизма – на 87% от потенциального максимума. Раны рубцуются. Боль… приглушена.»

Алиса. Ее сознание было размазано по всему кораблю, как нервная система. Ее физическое тело покоилось в специальной капсуле-коконе в медотсеке, подключенное к сетям питательных растворов и излучателей. «Скиталец» был ее новым телом. И наоборот.

Резник кивнул, чувствуя как сжимается в груди. Он разговаривал с женщиной, превращающейся в интерфейс.

– Следы погони?

«Пассивное сканирование не обнаруживает активных двигателей в радиусе пяти световых минут. Эфир чист… от технологических излучений. Но он наполнен иным шумом. Эхом катастрофы. Оно идет оттуда.»

На мембране-визоре часть обзора сместилась, выделив сектор глубокого космоса. Там, за сотни световых лет, нахо-

дилась система LZ-447. Сканеры, перестроенные Бруннером на восприятие протогенских излучений, показывали не затухающий всплеск, а стабильную, растущую аномалию. Как пятно масла на воде реальности.

В дверной проем, который больше напоминал мышечный сфинктер, чем люк, протиснулся Бруннер. В руках он держал не мультитул, а нечто вроде хирургического скальпеля, соединенного с анализатором биомассы. Его лицо, обычно выражавшее саркастическое спокойствие, было бледным и осунувшимся.

– Ваш «пациент», капитан, – начал он, садясь на уступ, напоминающий стул, и морщась, когда тот подался под ним, – это психопат с манией величия и склонностью к неконтролируемому росту. Я только что провел «беседу» с магистральным кабелем энергосети. Он решил, что для лучшей проводимости ему необходимо обрасти кристаллами кварцеподобного биоминерала. В жилой отсек. Прямо над моей койкой.

– И что сделал? – спросил Резник, уловив в тоне инженера знакомую смесь ужаса и научного любопытства.

– Что сделал? – Бруннер фыркнул. – Я попытался его… *поправить*. Скальпелем. Он мне ответил. – Инженер показал на свою перчатку, на внешней стороне которой застыла капля прозрачной, быстро затвердевшей слизи. – Антисептик и легкий нейротоксин. Не смертельный. Напоминание: «Не лезь, где не просят». Я теперь не инженер, я… садовник

в хищных джунглях. И джунгли меня не любят.

«Он… раздражает наши барьерные инстинкты,» – прозвучал в воздухе голос Алисы. «Его энергетическое поле… агрессивно-несовместимо. Но… он нужен. Его методичность… стабилизирует хаотичные процессы роста. Просите его… продолжать.»

Бруннер услышал это и мрачно усмехнулся.

– О, прекрасно. Я – успокоительное для нервного корабля. Мечта детства.

Внезапно пульсация света на мостике участилась. Резник почувствовал легкий, но отчетливый спазм в мышцах спины – корабль передавал тревогу напрямую через тактильный интерфейс его кресла.

«Обнаружен объект,» – голос Алисы стал отстраненным, машинным. «Нестандартная сигнатура. Исключительно низкая тепловая и электромагнитная заметность. Движется по сложной траектории среди обломков. Цель… неясна. Возможна скрытая форма.»

На визоре появилось призрачное очертание. Небольшой челнок, покрытый маскировочным покрытием, сливающимся с фоном. Он двигался не как пилотируемый корабль, а как хищник – рывками, с долгими паузами, используя тени обломков.

– Охотники, – холодно констатировал Резник, его руки уже летали по голографической панели управления, которая росла прямо из подлокотника кресла. – «Когти», судя

по профилю. Они не успокоились. Бруннер, к системам пассивной обороны. Но без фанатизма. Алиса, можно ли изобразить «мертвый» корабль? Низвести метаболизм до минимума?

«Попытка может быть воспринята как угроза автономным контурам. Вызовет… иммунный ответ.»

– Уговаривай. Это наш лучший шанс.

Челнок приблизился. Он выплыл из-за гигантской балки и завис в трех километрах от «Скитальца». Ни запросов, ни предупреждений. Только безмолвное наблюдение. Потом из его корпуса выстрелили два магнитных гарпуна с тросами из углеродного волокна. Они впились в обшивку «Скитальца» с глухим стуком.

– Абордаж. Классика, – пробормотал Резник. – Готовься, Бруннер.

Инженер уже исчез в мышечном проходе, вооружившись не только скальпелем, но и компактным импульсным резаком. «На всякий случай, против чего-то более традиционного», – бросил он на прощание.

На мостике стало тихо. Резник чувствовал, как по кораблю пробегает дрожь отвращения. Чужое железо впилось в его плоть.

«Они… внутри шлюза,» – сообщила Алиса, и в ее голосе впервые зазвучало напряжение. «*Пытаются взломать… механический замок. Их не понять… только цель.»

– Держись, – сказал Резник, отстегивая привязные ремни

и хватая тяжелый энергетический бластер, примагниченный к стойке. Он двинулся к выходу, но тут же остановился, почувствовав волну внезапной, острой жалости, исходящей от самого корабля.

На визоре внутреннего наблюдения он увидел, что происходит в шлюзовой камере.

Абордажная команда из четырех человек в легких скафандрах и тактических экзоскелетах успела вскрыть внешний люк. И тут «Скиталец» проснулся.

Пол шлюза не открылся. Он стал вязким. Бронепластины растворились, превратившись в липкую, смолоподобную субстанцию, моментально схватившую ноги и руки захватчиков. Воздух наполнился облаком мельчайших золотистых спор. Двое наемников закашлялись и через секунду обмякли, усыпленные. Третий вырвался, но биомасса стен ожила – из нее выстрелили тонкие, похожие на щупальца, отростки, обвивая его экзоскелет с металлическим скрежетом.

Но четвертый был быстрее. Он выстрелил струей плазмы из резака, прожигая живую ткань. Корабль взревел. Не звуком, а вибрацией, от которой содрогнулись все переборки. Резник услышал крик Алисы – не в эфире, а внутри своей головы, чистый, человеческий, полный боли.

«СТОП!» – это был уже не голос, а мысленный приказ, исходящий от Алисы.

Биомасса замерла. Отростки не отступили, но перестали сжимать. Наемник под плазмой, увидев шанс, рванулся впе-

ред, к внутреннему сфинктеру, ведомый единственной мыслью – захватить мостик.

И тут на его пути встал Резник. Дверной проем сжался за его спиной, изолируя мостик.

– Достаточно, – спокойно сказал капитан, целясь бластером в забрало скафандра. – Твой корабль уже отстыковался и удирает. Тебе некуда возвращаться.

Наемник, не тратя времени на слова, выстрелил из подствольного гранатомета. Резник отпрыгнул в сторону, укрываясь за выступом живой стенки. Взрывная волна оглушила его. Когда дым рассеялся, он увидел, как пол под ногами наемника снова пришел в движение, обвивая его уже не щупальцами, а острыми, шипастыми отростками, впивающимися в стыки экзоскелета. На этот раз Алиса не остановила корабль. Инстинкт самосохранения был сильнее.

Через минуту все было кончено. Шлюзовая камера очищалась, втягивая в себя органический и механический мусор для переработки. Бруннер, появившийся с окровавленным скальпелем (оказалось, один усыпленный пытался очнуться), молча смотрел на это.

– Это была не защита, – тихо сказал он. – Это был пищевой рефлекс.

Резник, тяжело дыша, облокотился о пульсирующую стену. В его комлинке звучал голос Алисы, снова отстраненный, но с дрожью на фоне.

«Они… были чужеродны. Их нужно было… нейтрализо-

вать. Интегрировать. Я не могла… позволить им причинить тебе боль. Прости. Это становится… автоматическим.»

– Ничего, – сказал Резник, понимая, что это ложь. – Ничего. Мы разберемся. Бруннер, почисти раны кораблю. Я займусь… экипажем.

Пока Бруннер с отвращением и мастерством настоящего хирурга обрабатывал «ожоги» от плазмы специальным гелем, синтезированным из биомассы корабля, Резник слушал новости, пойманные на грязном канале Пояса Свободы.

«…повторяем экстренный выпуск. Содружество официально подтвердило потерю контакта с флотилией в системе LZ-447. Объявлено о введении карантинной зоны «Омега-1» радиусом двадцать световых лет. Все гражданские и коммерческие перелеты запрещены. Любое судно, нарушившее границу, будет уничтожено без предупреждения…»

«…анонимные источники в Лаборатории чуждых технологий говорят о «катастрофическом сбое» в проекте «Молот». Распространяются слухи об «эпидемии безумия» на кораблях, вышедших из прыжка в смежных секторах. Корпорация «Вектор» объявляет о беспрецедентном росте цен на психотропные блокаторы и системы экранировки пси-излучений…»

«…секта «Наследие» распространила новое послание. Они называют катастрофу «Возмездием за гордыню» и призывают «открыть сердца Единству». Зафиксиро-

ван резкий рост их активности в пограничных мирах…»

Вселенная сходила с ума. И они, в своем живом, страдающем ковчеге, плыли в самый эпицентр этого безумия.

ПОЯСНЕНИЯ К ГЛАВЕ:

1. «Активный покой» и метаболизм: «Скиталец» — *не механизм с выключенными системами. Его биологические аналоги систем находятся в состоянии, подобном зимней спячке или медитации сложного организма, что снижает заметность, но не сводит ее к нулю*.

2. Эхо катастрофы: ***Аномалия в LZ-447*** *не просто локализованное событие. Она искажает фундаментальные поля, создавая «шум», который могут улавливать только существа или технологии, связанные с протогенами (как Алиса).*

3. «Иммунный ответ» корабля: *Автономные защитные системы «Скитальца» основаны не на логике, а на биологических инстинктах: изоляция угрозы, попытка ассимиляции для анализа, уничтожение при невозможности ассимиляции. Алиса выступает как «кора головного мозга», пытающаяся подавить эти инстинкты.*

4. Глобальные последствия (хронология):

День 1-3: Исчезновение «Молота». Первые панические слухи.

День 4-6: Официальное молчание Содружества, рост напряженности. Всплеск активности «Наследия» и корпораций, стремящихся нажиться на страхе.

День 7-8: Объявление карантинной зоны. Легализация слухов. Начало тихой паники на окраинах цивилизации.

5. Параллельные линии (задел)

Линия Содружества: Капитан Соколова на «Страже», получившая приказ усилить патрулирование границ зоны «Омега-1», конфликт между долгом и пониманием, что флот бессилен.

Линия «Наследия»: Иерофант, анализирующий данные об аномалии, видящий в ней «очищающий огонь». Решение отозвать своих адептов с периферии для «Великого Созерцания».

Линия Пояса Свободы: Корпорация «Вектор» и другие «хищники», видящие в кризисе не угрозу, а возможность – найти «Скитальца» и получить ключ к силе, которая может противостоять аномалии.

Глава 2: ГИПЕРПРОСТРАНСТВЕННЫЙ РЕФЛЕКС

Дата: 16.07.2296 (10 суток после катастрофы «Молота»).Местоположение: Пограничный сектор «Зеро», на подлете к границе карантинной зоны «Омега-1».

Кристаллизованная тишина гиперпространства была обманчива. Для обычного корабля это – сжатый коридор между точками А и Б. Для «Скитальца» это оказалось кишечником гигантского зверя.

Мостик погрузился в полумрак. Органические панели светились глубоким багрянцем – «Скиталец» концентрировался. Внешний мир, видимый через мембрану-визор, представлял собой безумный калейдоскоп: не линии звезд, а биолюминесцентные спирали, пульсирующие сгустки энергии, похожие на клетки под микроскопом. Корабль не просто летел сквозь подпространство. Он проползал, используя свое биополе как щуп, обходя области нестабильности, которые для других судов были бы просто статистической погрешностью.

«Напряжение в межслойных перегородках растет,» – голос Алисы звучал уставше, с легким эхом, будто она говорила из глубокого колодца. «Мы оставляем… след. Биочастот-

ный отпечаток. Слипание протоматерии. Его можно отследить.»

– Красиво звучит, – пробурчал Бруннер, копошась у основания одной из «нервных» колонн с портативным сканером, напоминавшим ветеринарный томограф. – «Слипание протоматерии». На практике это означает, что за нами тянется шлейф из космической слизи. Мы – космическая улитка. Самый заметный беглец в истории.

– Меньше поэзии, больше данных, – отозвался Резник, изучая тактическую голограмму. На ней зона «Омега-1» светилась зловещим багровым кругом. Данные с прослушки эфира сыпались, как из рога изобилия, и все они были плохими. «Вспышка неопознанной энергии в секторе Тангент… Случай самоповреждения эсминца Содружества «Бдительный» после выхода из прыжка… Массовая психогенная галлюцинация на станции «Узел-47», пострадало 300 человек…»

Вселенная реагировала на рану в LZ-447, как организм на заражение. И их корабль был частью этой иммунной реакции – или вирусом. Резник все еще не решил.

– Приближаемся к границе карантинной зоны, – сказал он. – Алиса, сможем ли мы проскользнуть незамеченными? Их сенсоры заточены под обычные двигатели.«Сенсоры Содружества… да. Но есть иные патрули. Корабль Пояса Свободы. Модифицированный корвет «Коготь». Его сигнатура… неоднозначна. Он излучает слабое поле, схожее с на-

шим, но… агрессивно отзеркаленное. Как антитело.»

На визоре появился силуэт. «Коготь» не был похож на грубый корсарский корабль из первой атаки. Он преобразился. Его корпус был покрыт бледными, хитиновыми наростами, явно биотехнологического происхождения, но выглядящими мертвыми, забальзамированными. С носовой части торчал длинный, похожий на стилет, эмиттер, пульсирующий темно-зеленым светом.

– Корпорация «Вектор», – со свистом выдохнул Бруннер, подойдя к визору. – Я видел их проспекты. Они скупают биоматериал Протогенов на черном рынке. «Биостатические поля подавления». Похоже, они сделали из своего корабля огромный репеллент. Против нас.

«Он чувствует нас,» – подтвердила Алиса. «И мы чувствуем его. Это… отвратительно. Как скрежет металла по стеклу на уровне инстинктов.»

«Коготь» не стал запрашивать связь. Он развернулся и выпустил с десяток самонаводящихся снарядов. Не ракет с взрывчаткой, а компактных кинетических дронов, чьи корпуса были покрыты тем же хитином.

– Уклоняемся! – скомандовал Резник, но корабль уже реагировал. «Скиталец» дернулся в сторону, не как машина на импульсных двигателях, а как скат в воде – всем корпусом, гибко и неожиданно. Снаряды пронеслись мимо, развернулись и пошли на второй заход.

«Они наводятся по нашему биополю,» – сказала Алиса.

«Пытаюсь экранироваться… Не полностью получается.»

Один из дронов врезался в край одного из «лепестков» корабля. Взрыва не последовало. Дрон впрыснул капсулу с темно-зеленой жидкостью. Мгновенно область поражения покрылась серым, быстро твердеющим налетом. Биолюминесценция погасла. Корабль вздрогнул от боли, которую Резник почувствовал как внезапный спазм в животе.

– Это коагулянт! – закричал Бруннер, хватая свой сканер. – Прекращает биологические процессы, превращает живую ткань в инертный пластик! Хирургический инструмент!– Алиса, изолируй пораженную зону! Бруннер, найди антидот!– Антидот?! – завопил инженер, уже мчась к выходу. – Я не волшебник, я инженер с горелкой и плохим характером!

«Скиталец», рыча внутренней бурей, выпустил ответный «удар» – не энергетический, а волну искаженного пространства. Это было неконтролируемо, инстинктивно. Воздух перед кораблем «Коготь» задрожал, и несколько снарядов, летевших в него, внезапно замедлились, словно увязли в смоле, и разлетелись на части от собственной инерции.

– Что это было? – удивился Резник.«Не знаю,» – ответила Алиса с испугом. «Автономная реакция. Как чихание. Очень опасное чихание.»

«Коготь», однако, не отступил. Его хитиновый эмиттер на носу зарядился и выпустил тонкий луч того же зеленого света. Он не пробил броню. Он начал «заражать» ее, распро-

страняя серый налет с пугающей скоростью, как плесень по хлебу.

Корабль завыл. На этот раз это был явный, физический звук – скрежет живой материи, каменеющей заживо. Резник увидел, как по панелям мостика поползли серые прожилки.

– Прыжок! Немедленно! Куда угодно! – заорал он.«Невозможно! Гипердвигатель захвачен коагулянтом! Поле не может стабилизироваться!»

Тогда «Скиталец» принял решение сам. Из отчаянного инстинкта, из боли, из воли Алисы, слившейся с его волей. Он не стал выходить из гиперпространства. Он нырнул глубже.

Визор ослеп. Не темнотой, а белизной. Давление вдавило Резника в кресло. Он услышал, как где-то с треском ломается что-то органическое, и крик Бруннера в комлинке, заглушенный воем искаженной реальности. «Скиталец» проламывался сквозь нестабильные, запретные слои гиперпространства, куда не рисковали соваться даже теоретики. Это был акт самоубийственного отчаяния. Или гениального безумия.

Прошло три минуты. Потом шесть. Давление спало. Визор снова показал «нормальное» гиперпространство, но звездные линии были искривлены до неузнаваемости. Корабль содрогался, как в лихорадке. На половине панелей светились предупреждения о критических повреждениях.

– Отчет, – хрипло потребовал Резник.««Коготь»… поте-

рян. Мы на два слоя глубше расчетного. Навигация… невозможна. Травмы… значительные. Но коагулянт остановлен. Бруннер… помог.»

Голос Бруннера, прерывистый и злой, донесся из эфира:– Помог?! Я выжег пятно размером с мою каюту паяльной лампой! Корабль орал на частоте, от которой у меня до сих пор зубы ноют! Но да, плесень отсохла. Теперь у нас дыра в боку, через которую можно любоваться искривленным пространством. Романтика.

Резник позволил себе выдохнуть. Они ушли. Ценой нового ранения.– Куда мы выйдем?«*Неизвестно. Движемся по течению. Примерное направление… к центру зоны «Омега-1». Гиперпространство здесь… ведет себя как река, стремящаяся к водовороту.*»

Водоворот. К LZ-447. К источнику «Ржавчины».Резник откинулся на спинку кресла, чувствуя ледяную тяжесть в груди. Они не просто бежали. Их вело.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ:

На мостике корвета «Страж», граница зоны «Омега-1».Капитан Соколова смотрела на отчет о короткой, яростной вспышке сенсоров. Биоэнергетическая вспышка, следы пространственной аномалии, затем – исчезновение. «Скиталец».

Кто-то охотился на него. «Вектор». Ее пальцы сжали край консоли. Приказы были ясны: любой контакт с объектом «Скиталец» – захват или уничтожение. Но отчеты о ката-

строфе «Молота» лежали у нее в столе.

Она видела, как ее собственные операторы начинали жаловаться на мигрени и видения. Сила там, внутри зоны, росла. «Скиталец» был единственным, кто имел хоть какой-то опыт выживания в подобном.

Она отправила сжатое, зашифрованное сообщение вглубь зоны, на частоту, которую они с Резником использовали годами, во время совместных операций: «Избегайте сектор Тангент. Там ловушка. Ищите «Тихую Гавань». Соколова.» Рисковала всем. Но иногда долг офицера – нарушить приказ ради цели.

В святилище «Наследия» на заброшенной орбитальной платформе.Иерофант созерцал голограмму растущей аномалии LZ-447. Его глаза, частично замещенные биокристаллическими линзами, видели не хаос, а структуру. Рисунок. «Цвет», как они его называли, был болезненным, но это была болезнь роста.

«Колыбель» просыпалась, реагируя на угрозу, которую сорвали с цепи люди. Его последователь, наблюдавший за погоней «Когтя», доложил о бегстве «Скитальца» вглубь гиперпространства.

– Они идут на зов, – тихо произнес Иерофант. – Ересь устремляется к эпицентру Откровения. Интересно… станет ли она очищенным инструментом или удобрением для нового Сада? Отправьте нашим кораблям у границы зоны: не препятствовать. Наблюдать. Пусть эксперимент продолжит-

ся.

ПОЯСНЕНИЯ К ГЛАВЕ:

Гиперпространство как биологическая среда: *Для «Скитальца» гиперпространство – не абстрактная математическая модель, а слоистая, почти органическая среда, где он может ориентироваться инстинктивно, но и оставляет биологический след.*

Технология «Вектора»: *Корпорации, в отличие от Содружества, подошли к наследию Протогенов утилитарно. Они создали не средства контроля, а «пестициды» – оружие, подавляющее биологические процессы, родственные протогенским. Это делает их крайне опасными именно для «Скитальца».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.